

Л. М. Головлева
«ДОБРОВОЛЬНЫЕ» ДАННИКИ АССИРИИ
В КОНЦЕ XII в. до н. э.

НАСТОЯЩАЯ статья основывается на материалах ста одиннадцати документов хозяйственного архива из Ашшура периода правления НинуртатукульАшшура, ассирийского царя конца XII в. до н. э. (1134—1133 гг. до н. э.). Сорок пять из них опубликованы Э. Эбелингом в КАЖ. Транслитерация и перевод этих и еще трех документов изданы им же¹. Табличка VAT 9357 опубликована О. Шрёдером². Транслитерация и перевод шестидесяти одного документа (№ 50—111) даны Э. Вайднером³. Э. Эбелинг снабжает свою публикацию небольшим вступлением, представляющим схематический обзор документов. Э. Вайднер не ставит в своей статье больших проблем, но анализ документов, им проделанный, чрезвычайно подробен и обстоятелен.

Документам хозяйственной отчетности Ашшурского архива посвящена и статья Б. Ландсбергера⁴, в которой автор ограничивается разбором некоторых терминов, встречающихся в документах, в частности терминов для обозначения женщин царского гарема, дворцовых служащих и терминов для обозначения овец и коз. На последних он останавливается особенно подробно.

Число документов экономического характера, дошедших от среднеассирийского периода, весьма ограничено. Кроме документов Ашшурского архива НинуртатукульАшшура, известны экономические документы среднеассирийского периода архива из Телль-Биллы (древняя Шибаниба)⁵. Некоторые данные этих последних мы приведем ниже. К сожалению, нам остаются неизвестными документы хозяйственного архива наиболее значительного царя поздней среднеассирийской эпохи, Тиглатпаласара I (1115—1077 гг. до н. э.) — 650 документов, также обнаруженных в Ашшуре. Они лишь упомянуты Э. Вайднером в его статье⁶. Х. Фрейдангом готовятся к публикации тексты среднеассирийского периода, возможно, они включают упомянутый архив Тиглатпаласара I.

¹ E. Ebeling, Verwaltungsurkunden aus der Zeit Ninurtatukul-Aššurs, MAOG, VII, 1/2, стр. 26—53.

² O. Schroeder, Über einige Keilschrifttexte aus Assur, «Studia Orientalia», I, стр. 259—267.

³ E. Weidner, Aus den Tagen eines assyrischen Schattenkönigs, AfO, X, 1/2, стр. 32—48. Мы придерживаемся нумерации документов, предложенной в этой статье.

⁴ B. Landsberger, Studien zu den Urkunden der Zeit des Ninurta-tukul-Aššur, AfO, X, 3, стр. 140—159.

⁵ J. Finkelstein, Cuneiform Texts from Tell Billa, JCS. VII, 4, стр. 141—176.

⁶ Weidner, ук. соч., стр. 28.

Сто одиннадцать документов хозяйственного архива Нинуртатукуль-Ашшура — это годовая запись даров царю, обозначенных термином *nāmurtu* (мн. ч. *nāmurātu*)⁷. Из двенадцати месяцев в документах не упомянут только один — *Muḫur ilāni*, что, вероятно, случайность. Документы фиксируют не только поступления *nāmurātu* царю, но и указывают, для каких целей они предназначались. Ряд документов отмечает животных, предназначенных для трапезы Нинуртатукуль-Ашшура — *ana nap-teni ša Ninurta-tukul-Aššur*⁸. Иногда не подчеркивается, что это были трапезы именно царя⁹, поэтому Э. Вайднер полагает, что в них принимал участие не только царь, но и придворные, и считает, что речь идет не о бытовых ежедневных трапезах царя, а о культовых жертвенных трапезах, связанных не с большими придворными праздниками, а с некоторыми культовыми церемониями, к числу которых он относит упоминающийся в текстах № 32, 36 царский обряд умывания водой, который представлял собой, вероятно, очистительную церемонию¹⁰. Так, в документе № 36 отмечается: 7 UDU.MEŠ a-na nap-te-ni ki-i^{m-d}MAŠ.KU-Assur a-na UGU ki-sa-la-a-te A.MEŠ ra-ma-ki it-ta-na-ra-du-ú er-šu «7 овец приготовлены, когда Нинуртатукуль-Ашшур спустится на передние дворы¹¹, чтобы умыться водой».

Поскольку *napteni* не фиксируется ежедневно, очевидно, речь действительно идет не об обычных трапезах. На основании наших текстов нельзя установить, обозначались ли особым термином ежедневные трапезы царя или же к ним также применялся термин *napteni*. Во всяком случае можно предположить, что даже ежедневные царские трапезы не были чисто бытовым действием, а рассматривались как своего рода ритуальное действие и сопровождалось различного рода обрядовыми церемониями. Подтверждением, что действия царя были культово расписаны, служит дошедшая от новоассирийского времени серия BURU₇ *bēl arḫim* («Луна — господин месяца») ¹², представляющая собой указатель ритуального поведения царя на весь год. В этом своеобразном кодексе конкретно указывается, какому богу в какой день и в какое время царь должен был приносить жертву. Кроме того, перечисляются, какие именно действия запрещались или разрешались царю в определенный день месяца. Параллели можно найти в письмах новоассирийского периода¹³, которые также свидетельствуют, что поведение царя зависело от многочисленных жреческих предписаний. И хотя письма и сама серия BURU₇ *bēl arḫim* дошли от позднего периода, можно не сомневаться, что действия ассирийского царя уже с самого начала возникновения института государства зависели от всевозможных жреческих указаний, по-видимому, в ранний период письменно еще не фиксировавшихся.

В хозяйственном архиве Нинуртатукуль-Ашшура велся также учет животных, предназначенных для ритуальных обрядов (*nerišu, niqū, takpirtu, teliltu*), совершаемых Римени, Шаддаиту, Гизаей и Салой¹⁴. Только Римени и Шаддаиту названы *sinništi ša Ninurta-tukul-Aššur* («женщина Нинуртатукуль-Ашшура»), но, по-видимому, и две последние также принадлежали к царскому гарему.

⁷ Об этом термине подробно смотри ниже.

⁸ № 15, 50, 89, 95.

⁹ № 11, 54, 69, 72, 81, 109, 110.

¹⁰ Weidner, ук. соч., стр. 27.

¹¹ Э. Вайднер (ук. соч., стр. 10) полагает, что речь идет о передних дворах храма Ашшура.

¹² О ней подробно см. В. Landsberger, Kultische Kalender der Babylonier und Assyrer, Lpz, 1915, стр. 101 сл.

¹³ ABL 4, 18, 22, 29, 53, 56, 78, 864 и др.

¹⁴ № 37, 66, 73; 42, 59, 61, 63, 89; 4, 7, 75, 80, 82, 103; 63.

Не останавливаясь подробно на раскрытии содержания обрядовых терминов, отметим, что *nērišu* — обозначение ритуала вообще, а *niqū* — жертвенного возлияния; *takpirtu* и *teliltu* — термины, обозначающие два различных обряда, связанных с очистительными церемониями, причем более абстрактный характер очищения носит обряд, обозначаемый термином *teliltu*.

Животные приносились в жертву различным божествам. Из богов жертвы посвящались только богу Сину (№ 7, 31, 50, 60), зато пантеон богинь представлен гораздо шире (полагаем, что это свидетельствует о том, что жертвы божествам приносились в основном женщинами царского гарема). Это богини Белат экаллим (№ 89), Гула (№ 4, 103), Иштар Арбельская (№ 76), Иштар небес (№ 89), Маратаним (№ 7, 40, 44), Шаррат нинхи (№ 48), Шеруа (№ 7). Посвящались животные воротам богов Ашшура, Шамаша, богини Шеруа (№ 40, 101) и различным воротам города Ашшура.

Самыми представительными потребителями животных, поступающих в качестве *nāmurātu*, оказываются львы и львята. Число документов, отмечающих овец, предназначенных для «трапезы» львов, самое большое — 28. Прав Вайднер, полагая, что львов было немного, так как на их кормление отводилось по одной овце на каждые два дня. Не ясно, для каких целей содержались львы при дворе Нинуртатукуль Ашшура. Возможно, они предназначались для царской охоты. Новоассирийские рельефы с изображениями охоты на львов царя Ашшурбанапала свидетельствуют о том, что она заранее подготавливалась (на некоторых рельефах царь, окруженный стоящими наготове егерями, поражает львов, которых выпускают из клеток) и носила, как полагает В. А. Якобсон, ритуальный характер. Это подтверждается рельефом из Ниневийского дворца Ашшурбанапала, хранящимся в Британском музее¹⁵, на котором изображена сцена обряда возлияния, совершаемого царем над убитым львом.

Итак, поступающий скот предназначался для царской трапезы, для различных обрядов и для кормления львов. Контроль над скотом осуществляли дворцовые служащие — Мута¹⁶, Шамашнури¹⁷ и некий Буза¹⁸. Мута носит титул *ša kur(u)šē*¹⁹, то *zāriqu*²⁰. Шамашнури исполнял обязанности *nukaribbu* — «садовника». Так как Муте и Шамашнури передавалась большая часть поступавшего скота, нужно полагать, что в их распоряжении имелись большие выпасные участки для откорма животных, которые предназначались для описанных выше целей. Иногда скот передавался на откорм (*ana šakuli*) в хозяйства (*bitu*) отдельных лиц.

Преподнесенных животных царь в свою очередь мог раздавать как *Gnadengabe* — «милостивый дар» (Ebeling, ук. соч., стр. 27). Имеется много случаев передачи *rīmutu* отдельным дворцовым служителям (ре-

¹⁵ В. М. № 124886/7 (Room S).

¹⁶ № 23, 43, 44, 56, 84, 85, 92, 95, 106.

¹⁷ № 6, 7, 10, 13, 21, 27, 30, 33, 34, 35, 44, 52, 55, 60, 68.

¹⁸ № 2, 31, 50, 62, 65, 67, 97.

¹⁹ Вайднер (ук. соч., стр. 16, прим. 107) связывает этот термин с *ša kurultē*; значение обоих терминов ему неизвестно. Эбеллинг (ук. соч., стр. 49, прим. d) переводит *kurultū* как *im Hause geborener Sklave* — «родившийся в доме раб». Ландсбергер (ук. соч., стр. 149, прим. 44) считает, что термин *ša kur(u)šē* не имеет отношения к *kurultū* и переводит его как *Tiermäster* — «откормщик скота». См. также АНУ, s. v. *kurultū* — *Mäster* («откормщик»); САД К, стр. 582 — *fattener* («откормщик»).

²⁰ Эбеллинг (ук. соч., стр. 28) считает, что *zāriqu* осуществлял руководство по орощению. Э. Вайднер (ук. соч., стр. 16, прим. 106) не определяет функции этого дворцового служителя. Б. Ландсбергер (ук. соч., стр. 150) с должной оговоркой переводит *zāriqu* как *Futtermeister* — «мастер по откорму». Так же САД Z, стр. 68. Дж. Постгейт оба термина (*ša kurultē* и *rab zāriqu*) переводит как *Futtermeister* (см. J. N. Postgate, *Taxation and Conscription in the Assyrian Empire, Rome, 1974, стр. 156*).

месленникам, привратникам и др.), возможно, в качестве вознаграждения за службу.

Таким образом, структуру документов, поскольку они носят стандартный характер, можно передать следующей схемой: указание количества и вида скота, передаваемого Нинуртатукуль-Ашшур у в качестве *nāmurtu*, с упоминанием лица, от которого они поступают; название лица, в чье распоряжение передаются животные; конкретное указание цели, для которой используются *nāmurātu*.

Теперь, когда в общих чертах представлено содержание документов архива, мы подробнее остановимся на следующих вопросах: 1) положение лиц, присылавших *nāmurtu* царю; 2) характер поступлений *nāmurtu*; 3) география мест, из которых таковые поступали. Первый и третий пункты рассматривает в своей работе и Э. Вайднер, но его принцип подхода к первому из указанных вопросов отличается от нашего.

В документах царского архива фиксируются поступления *nāmurātu* от частных лиц, дворцовых служителей, государственных чиновников, несколько раз — от иноземцев. К сожалению, общественное положение частных лиц, присылающих *nāmurātu*, остается неизвестным, так как их имена не сопровождаются титулами, однако щедрые дары, присылаемые ими, говорят о том, что это были богатые вельможи. Так, Ашшурмудамек присылает 59 овец (№ 6), в следующий раз 7 быков, 170 овец, 3 *kukkallāte* (№ 90)²¹. Богатые *nāmurātu* присылает и некий *Aššur...*, имя которого сохранилось наполовину: 3 быков, х овец (№ 12), 100 овец, 10 ягнят (№ 26), 5 овец (№ 55). Этим *nāmurātu* уступают дары от Бабуахуиддины — 6 овец (№ 34) 24 овцы, 5 *kukkallāte* (№ 96), от Синубаллита — 3 овцы (№ 23), 2 овцы (№ 70), от Синмушаллимшарри — 7 овец (№ 28), 10 овец (№ 106), от Иштартуры — 1 бык, 8 овец, 5 *kukkallāte* (№ 96).

Не исключено, что все эти лица были придворными, хотя прямых указаний на их связь с дворцом мы не имеем. Неизвестно также, где были расположены их имения. Во всех отмеченных случаях передача *nāmurtu* царю осуществлялась через *abarakku* — управляющих имениями (*bitu*) этих частных лиц. Титул *abarakku* (L^UAGRIG) встречается уже в шумерское время. Его первоначальное значение различные исследователи объясняли по-разному. Э. Клаубер, приводя перевод Женульяка «прорицатель, жрец», считает трудным объяснить развитие *abarakku* из жреческого класса в служащего с управленческими и военными функциями и предлагает другое, первоначальное значение этого слова — *Salbenmischer* — «человек, приготавливающий мази»²². Другой перевод шумерского L^UAGRIG для времени Урукагины находим у А. Даймеля: заместитель первого управляющего храма (NU-BĀNDA), в чьем ведомстве находилось общее управление храмовым имуществом, полями, садами, стадами, и прежде всего складами²³.

При шумерских правителях Гудеа, Лугальзагеси титул L^UAGRIG использовался как эпитет этих правителей²⁴. В текстах раннеавилонского времени (лексикологические списки Proto-Diri, Diri) функции *abarakku*, очевидно в результате фонетического сходства отождествлялись с функциями *abriquu* (ĀB.NUN.ME.DU), который являлся очистительным жрецом (purification priest) (там же, стр. 62 сл.). Современное толкование термина *abarakku* — «интендант дворца, храма» (intendant du palais, du

²¹ *kukkallu* (UDU.HÜL) — die besondere Schafrasse — «особая порода овец» (Landsberger, ук. соч., стр. 152).

²² E. Klauber, Assyrisches Beamtentum, Lpz, 1910, стр. 81.

²³ RLA I, стр. 442, 443.

²⁴ CAD A, I, стр. 35.

temple etc.)²⁵, «управляющий домом» (*Hausverwalter*)²⁶, «управляющий храмом» (steward of the temple), «чиновник храма или имения» (an official of the temple or an estate), «главный управляющий частным или царским домашним хозяйством» (chief steward of a private or royal household)²⁷.

В наших текстах *abarakku* выступает в основном в функции управляющего хозяйством (*bītu*) частного лица. Он был ответствен за передачу *nāmurtu* от своего хозяина царю. Некоторые *abarakku* упоминаются в документах без указания, что они являются управляющими определенного лица, т. е. их титул не сопровождается приставка *ša bīt NN*. Это *abarakku* Ададримилани, Таширия, Сиданная²⁸. Э. Вайднер полагает, что во всех этих случаях *nāmurātu* опять-таки поступают из имений «великих» Ассирии²⁹, однако, если принять во внимание, что учет поступлений велся аккуратно, остается непонятным, почему в этих документах не названы имена дарителей *nāmurātu*. Кроме того, если учесть, что подношения от названных управляющих в количественном отношении уступают подношениям от управляющих частных лиц, можно предположить, что *abarakku* и сами подносили царю подарки и, значит, имели свой собственные имения или, во всяком случае, достаточное имущество.

В нескольких документах *abarakku* упоминаются как управляющие населенными пунктами (^LAGRIG *ša URU*). Три лица выступают в такой должности. Это Белшуну, *abarakku* поселения *Ša samadu*³⁰, от которого поступает 10 баранов (№ 56) и 2 ягненка (№ 86); Мардукбелуцур, *abarakku* города Амасаки — 10 овец (№ 84); АрадИштар, *abarakku* города или другого населенного пункта, название которого сохранилось наполовину — *Huda* [...], — 10 баранов (№ 68) и 3 барана (№ 92)³¹.

Функции *abarakku* как управляющих населенными пунктами из-за лаконичности и трафаретности текстов определить трудно. Вероятно, речь идет не об административном управлении этими поселениями и городами (с такими полномочиями выступают *bēl pāhete*, *rab ālāni*, *hazianu*, о которых речь пойдет ниже), а об управлении в них частями царского хозяйства. Не исключено, что *abarakku* в этих поселениях имели собственное хозяйство, из которого и поступали *nāmurātu* царю. В роли управляющего, заведовавшего царским хозяйством, имевшимся в разных местах страны, *abarakku* выступает и в позднететтских источниках³².

Титул *abarakku* встречается и в новоассирийский период, причем функции *abarakku* в это время, по-видимому, были шире, чем в среднеассирийский период. Деятельность его была связана с военной сферой (возможно, он обеспечивал войска транспортом и провиантом). *Abarakku* выступал и в роли ревизора. Вместе со жрецом и дворовым писцом он ревизует

²⁵ R. Labat, Manuel d'Epigraphie Akkadienne, P., 1952, стр. 203.

²⁶ R. V o r g e r, Akkadische Zeichenliste, Neukirchen-Vlujn, 1971, стр. 79.

²⁷ CAD A, I, стр. 32.

²⁸ № 16, 99; 107; 30, 38, 60; 26, 51, 104.

²⁹ Мы считаем, что речь идет о поступлениях *nāmurātu* от частного лица через *abarakku* лишь в тех случаях, когда *abarakku* хотя бы один раз назван как управляющий его имением (в остальных случаях *abarakku* может упоминаться уже и без приставки *ša bīt NN*).

³⁰ О локализации населенных пунктов см. ниже, в географическом обзоре.

³¹ Имена Белшуну, АрадИштара и Мардукбелуцура встречаются в документах № 93; 55; 44, 26 уже просто с титулом *abarakku*, а в документах № 26; 104; 40 даже без него. Вероятно, речь идет об одних и тех же лицах. АрадИштар, кроме того, упомянут как управляющий имением Иштартуры (№ 96). Этого АрадИштара, пожалуй, следует отличать от АрадИштара, *abarakku* поселения *Ša samadu*. Какой из этих АрадИштаров выступает в документах 55 и 104, установить невозможно (ср. W e i d n e r, ук. соч., стр. 22).

³² Об *abarakku* хеттских источников см. Г. Г. Г о р г а д з е, Очерки по социально-экономической истории Хеттского государства, Тбилиси, 1974, стр. 228 сл.

наличие золота в храмах. Кроме *abarakku* царя при дворце имелись *abarakku rabû*, *abarakku šanû*, *abarakku* матери царя, *abarakku* жены царя, *abarakku* царевича-кронпринца³³. Не исключено, что во всех этих случаях деятельность *abarakku* была связана с хозяйственными вопросами.

Из дворцовых служителей, кроме *abarakku*, *nāmuru* присылали Адад-зерибдина (7 овец — № 24; 5 овец, 2 ягнят — № 26; 20 баранов — № 52, 82) и Тахулу (4 быков, 100 овец — № 18; 8 быков — № 104). Первый из них носит титул *rab naqīdāte*³⁴. Титул Тахулу не указан, но, судя по его значительным подношениям, это был богатый вельможа. Э. Вайднер, полагая, что Тахулу контролировал поступления налогов из провинции³⁵, опирается на документ 95, о котором мы скажем ниже. Среди лиц, подносящих *nāmurtu* НинуртатукульАшшуру, один раз отмечен Мутакиль-Нуску, *mār šarri* — «сын царя». В нескольких документах названы и другие «сыновья царя». Это Кализайя (№ 7, 70, 77), Шамашаликпани (№ 74), и, по-видимому, ЭрибаАдад (№ 91). Упомянуты они, однако, уже не в связи с подношением *nāmurtu*, а по другим поводам.

За последние годы развернулась дискуссия о значении термина *mār šarri*, которая вызвала «столкновение двух мнений, расходящихся главным образом в определении, был ли этот видный персонаж действительно сыном царя или только царским должностным лицом»³⁶. На материалах архивов хурритской Аррапхи Н. Б. Янковская приходит к выводу, что «сыновья царя» были царскими родичами, хотя истинное их родство с царем установить невозможно; среди них, по всей видимости, были не только сыновья, но и братья царствующей особы. Гипотеза Янковской находит свое подтверждение в материалах архива НинуртатукульАшшура. Тот факт, что из «сыновей царя» только Мутакиль-Нуску преподносит НинуртатукульАшшуру *nāmurtu*, соперничающее с самыми богатыми подношениями — 100 овец, свидетельствует о его преимущественном положении перед остальными *mārē šarri*. И действительно, именно Мутакиль-Нуску сменил на престоле НинуртатукульАшшура, и, по-видимому, его привилегированное положение было обусловлено тем, что он был братом царя³⁷. Опираясь на выводы Н. Б. Янковской, можно предположить, что остальные *mārē šarri* были или более юными братьями НинуртатукульАшшура (менее вероятно, что они были его сыновьями), или его более отдаленными родичами. Не исключено, тем не менее, что *mārē šarri*, будучи царскими родичами, могли занимать какую-либо должность. Так, Килизайя был наделен известными полномочиями: по его распоряжению для львят отпускались овцы (№ 77).

Среди лиц, подносящих *nāmuru*, встречаются и должностные лица, связанные с государственной администрацией.

От среднеассирийского периода по сравнению, например, с новоассирийским дошло очень мало источников, которые помогли бы нарисовать ясную картину государственного управления Ассирии. Не претендуя на то, чтобы дать полную картину административного управления Ассирийского государства в рассматриваемый период, мы остановимся лишь на административных должностных лицах, чьи титулы встречаются в документах хозяйственного архива НинуртатукульАшшура.

³³ О функциях *abarakku* в новоассирийское время см. Klauber, ук. соч., стр. 83 сл., а также CAD A, I, стр. 33 сл.

³⁴ Oberster der Viehzüchter («главный животновод») — Weidner, ук. соч., стр. 18; Oberhirt («главный пастух») — Ebeling, ук. соч., стр. 41, 42.

³⁵ Weidner, ук. соч., стр. 16.

³⁶ Н. Б. Янковская, «Сыновья царя» и общинная администрация в хурритской Аррапхе, Переднеазиатский сборник, № 3, 1976 (в печати).

³⁷ О Мутакиль-Нуску подробно см. Weidner, ук. соч., стр. 1—9.

В XIX в. до н. э. государство ШамшиАдада I³⁸, включавшее и позднейшую Ассирию, для удобства управления было разделено на военные округа с административными центрами в гарнизонных крепостях (*halšum*)³⁹. С падением державы ШамшиАдада I была, очевидно, нарушена и административная система управления, упорядоченность которой наблюдается снова уже только в среднеассирийский период, когда, вероятно, от вавилонян ассирийцы перенимают принцип разделения страны на области и от них же заимствуют титул *bēl pāhēte* (ассирийская форма; вавилонский вариант — *bēl pēhāti*). У самих вавилонян этот титул появляется в касситский период и обозначает первоначально «господин должности» (т. е. чиновник). Затем, поскольку термином *bēl pēhāti* фактически обозначался начальник области, слово *pēhāti* стало обозначать и область, и уже в результате этого сам титул *bēl pēhāti* приобрел новое значение — «господин области», «начальник области»⁴⁰. В таком значении его заимствовали ассирийцы. Интересно, что в начале новоассирийского периода (X—IX вв. до н. э.) этот титул исчезает и появляется вновь в эпоху Тиглатпаласара III (744—727 гг. до н. э.) после проведения им реформы разукрупнения наместничеств, когда *bēl pāhēte* были поставлены во главе разукрупненных наместничеств — областей. Зато в IX — начале VIII вв. до н. э. этот титул сохранялся в Урарту⁴¹, где он передавался идеограммой EN. NAM, заимствованной, по-видимому, из Вавилонии⁴².

Принято считать, следуя Э. Форреру, что при проведении своей реформы Тиглатпаласар III за образец взял урартскую административную систему управления, поскольку Урарту в этот период было значительно сильнее Ассирии⁴³. Но, по-видимому, разделение Ассирии на области при Тиглатпаласаре III нужно рассматривать не только как заимствование из Урарту, но и как возвращение к среднеассирийским традициям, так как, опираясь на документы архива НинуртатукульАшшура и архива Телль-Биллы, можно сказать, что уже в среднеассирийский период Ассирия была разделена на области, во главе которых стояли начальники областей⁴⁴. Более того, *bēl pāhēte* управляли и областями (провинциями), находившимися вне пределов Ассирии, в сфере ее влияния. В новоассирийский период *bēl pāhēte* совмещал гражданские и военные функции. Одной из важнейших обязанностей *bēl pāhēte* был контроль за сбором налогов.

Вероятно, аналогичными функциями были наделены начальники областей уже в среднеассирийский период. То, что *bēl pāhēte* и в этот период был военным комендантом своего района, подтверждают документы архива из Телль-Биллы.

Одно из должностных лиц, обладавших военными полномочиями, которое встречается в текстах этого архива, — *hasihlu*. Дж. Финкельстейн считал возможным связать *hasihlu* (district overseer — «смотритель района») с *hāzuhlu* нузийских документов и документов из Амарны⁴⁵. Такая этимология *hasihlu* далеко не очевидна, ясно лишь, что это хурритский термин для должностного лица ассирийской администрации.

³⁸ Титула «царь Ассирии» (*šar KUR Aššur*) ШамшиАдад не носил, хотя позже его (и его предков) включали в ассирийские царские списки.

³⁹ Р. А. Г р и б о в, Ассирия при ШамшиАдаде I, Автореф. канд. дисс., Л., 1971, стр. 6.

⁴⁰ ANw, s. v. *pīhātu*.

⁴¹ Г. А. М е л и к ш в и л и, Урартские клинообразные надписи, М., 1960 (далее — УКН), 42 А₁₂; 128 В₁₇.

⁴² И. М. Д ъ я к о н о в, Заметки по урартской эпиграфике, ЭВ IV, стр. 112.

⁴³ Е. Ф о р г е р, Die Provinzeinteilung des assyrischen Reiches, Lpz, 1921, стр. 49.

⁴⁴ Ф о р г е р, ук. соч., стр. 55.

⁴⁵ JNES, VII, 4, стр. 116.

Дж. Финкельштейн находил возможным отождествить *ḥasiḫlu* документов из Телль-Биллы с *bēl pāḥēte* новоассирийского периода, поскольку последний также был военным комендантом своего района. Использование же термина *ḥasiḫlu* в текстах архива Телль-Биллы он рассматривает как хурритский пережиток в языке ассирийской Шибанибы ⁴⁶.

В документах архива Телль-Биллы титул *ḥasiḫlu* носит комендант Шибанибы ⁴⁷ и комендант Бит-Замани ⁴⁸. Дж. Финкельштейн полагает, что речь идет о позднейшей области Бит-Замани, расположенной в верховьях Тигра с центром в городе Амеди (совр. Диарбакыр). Употребление перед *Bit-Zamāni* детерминатива URU (вместо обычного KUR) он считает случайным ⁴⁹.

Эту случайность можно объяснить тем, что обычно название области давалось по названию ее главного центра и сопровождалось при этом детерминативом города (URU). Такие случаи отмечены и в текстах архива Телль-Биллы, и в текстах НинуртагукульАшшура (ср. *ḥasiḫlu ša URU Šibanibe*; *bēl pāḥēte ša URU Taidi*, *URU Halahḫi*, *URU Nār-Zuhini* и т. д.), и, таким образом, по аналогии название области *Bit-Zamāni* было также употреблено с детерминативом URU. Но можно предположить, что город Бит-Замани действительно существовал и дал название области (тогда Амеди нужно рассматривать как новый центр этой области в более поздний период). Среди *bēl pāḥēte*, подносящих *nāmurātu* НинуртагукульАшшуру, названы Сидбалатсуэреш, *bēl pāḥēte* Таиди (№ 10); Эруашлуцур, *bēl pāḥēte* Халаххи (№ 28); Нинуртайя, *bēl pāḥēte* Ахурры (№ 7, 17, 53) ⁵⁰; *ḌISKUR.MU.GAL* ⁵¹, *bēl pāḥēte* Арзухины (№ 35); Пушшайу, другой *bēl pāḥēte* Арзухины (№ 29).

Любопытно имя второго начальника области Арзухины — *Puššaju*. Буквально оно означает «пушшиец», человек из страны Пушше. Эта страна неоднократно упоминается в надписях ТукультиНинурты I (1244—1208 гг. до н. э.) ⁵², причем среди шубарейских, т. е. хурритских, стран, покоренных ТукультиНинуртой I, вслед за Кудмухи и перед Алзи ⁵³. Такая последовательность всегда сохраняется, и так как в исторических надписях последовательность при перечислении, как правило, означает и географическое соседство (а локализация Кудмухи и Алзи достоверна ⁵⁴), то можно утверждать, что страна Пушше была расположена в верховьях Тигра.

Чем же объяснить, что начальником области столь отдаленной от Пушше, как ассирийская юго-восточная провинция Арзухина ⁵⁵, оказался человек, носящий этническое имя *Puššaju*? На наш взгляд, это следствие

⁴⁶ Там же, стр. 119.

⁴⁷ № 11, 25, 29, 31, 32.

⁴⁸ № 6.

⁴⁹ JNES, VII, 4, стр. 117.

⁵⁰ Чтение Э. Вайднера (ук. соч., стр. 14) — ^{URU} A[-ḫu-ur]-ra, Э. Эбелинга (ук. соч., стр. 38) — ^{URU} A[-al-kaḫ]-ra.

⁵¹ Чтение Вайднера (ук. соч., стр. 14) и Эбелинга (ук. соч., стр. 39, 46) — *Adad-šumi-rabbi*. Ср. S. S a r o g e t t i, *Onomastica Medio-Assira*, vol. I, Rome, 1970, стр. 48: *Adad-murabbi*.

⁵² И. М. Дьяконов, *Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту*, ВДИ, 1951, № 1 — 4 (далее — АВИИУ), I, 3, 4, 6, 7.

⁵³ Что и Кудмухи, и Алзи — «шубарейские» (хурритские) области, подтверждается и словообразовательной формой этих собственных имен: *-ḫi/e **, *-u-(i)zzi ** — хурритские суффиксы прилагательных, см. I. M. D i a k o n o f f, *Hurrisch und Ugartäisch*, München, 1971, стр. 70.

⁵⁴ Кудмухи — к северу от гор Кашияэри (совр. Тур-Абдин, античный Масий) в Северной Месопотамии: АВИИУ I, 1, прим. 12; Алзи — в долине реки Арацани (Мурадсу); АВИИУ I, 3, прим. 6.

⁵⁵ О ее локализации см. ниже.

политики переселения жителей из завоеванных стран в Ассирию или ее провинции, наметившейся при Салманасаре I (1274—1245 гг. до н. э.)⁵⁶. Утверждать категорически, что Пушшайу был уроженцем страны Пушше, мы не можем. Но с другой стороны, вряд ли чистокровный ассириец получил бы такое имя-прозвище. Возможно, либо оба родителя Пушшайу были первоначально жителями страны Пушше, либо он был сыном ассирийца и пушшийки. Во всяком случае, каково бы ни было генеалогическое древо Пушшайи, связь его с областью Пушше несомненна. И нужно полагать, предприимчивость пушшийца была достаточно велика, так как он сумел выдвинуться на одну из самых высоких административных должностей — *bēl pāhēte*, несмотря на свое иноземное происхождение.

Это не частный случай. То, что иноземцы могли занимать в Ассирии административные посты, свидетельствует и среднеассирийский текст из Телль-Биллы, где один из *haziānu* также носит этникон как имя собственное — *Ḥabḥāju*⁵⁷. Более того, в ассирийских царских списках отмечено несколько случаев, когда ассирийский престол занимали лица или явно неассирийского (притом весьма сомнительного) происхождения, например *Lullāja DUMU la mamana* — «Луллайя, ничей сын», или ассирийцы по отцовской линии: *Bazāja DUMU EN-ba-ni* и *Libāja DUMU EN-ba-ni*⁵⁸. Иноземцы были и канцелярскими служащими. Так, два лица среднеассирийских юридических документов⁵⁹ носят урартское имя Урса (^m*Ur-sà*)⁶⁰. Еще один отголосок связи Ассирии с урартским миром в среднеассирийский период — сохранившееся наполовину теофорное имя *Ḥal-di-e* [...] архива Телль-Биллы, содержащее имя позднейшего главного бога урартского пантеона⁶¹.

Из должностных лиц, уступающих *bēl pāhēte* по рангу, в хозяйственном архиве Нинуртатукуль-Ашшюра упоминаются *rab ālāni*, *haziānu*. Титул *rab ālāni* (начальник поселений) встречается и в новоассирийский период, причем, как отмечает Е. Форрер для этого периода, в одной провинции бывало несколько *rab ālāni*⁶². Это же наблюдается и в более ранний период. Так, оба *rab ālāni*, упоминающиеся в наших текстах, — Ашшурмушабши и Мудаммек-Мардук — служили в провинции Халахха⁶³.

Уже и в среднеассирийский период *rab ālāni* ведал, очевидно, военными вопросами⁶⁴, в частности набор войска, как свидетельствует документ из Телль-Биллы, происходил под руководством этого должностного лица: ₁[ÉRIN.] MEŠ..... ₂ú-wa-ir ₃hal-su! URUÉ.GAL.MEŠ ₄Si-ba-ni-be ₅28 URUSU.I? ₆15 URUḤa-ba- ₇26 URUKA?KUR.DIL.DIL ₈10 URUA-di-ú ₉13 URUḤU ₁₀SU.NIGIN 193[x] ÉRIN.MEŠ^(me) ₁₁8a ŠU dA-

⁵⁶ Так, в надписи Салманасара I (АВИИУ I, 2) читаем: «Всех Уруатри (речь идет о племенах стран Уруатри. — Л. Г.) я склонил к ногам Ашшюра, моего владыки, в три дня; я отобрал их потомство, захватил (?) и забрал себе для службы и работы». В той же надписи, после описания победы над кутиями [общее название племен, живших к северо-востоку (и к северу?) от Месопотамии]: «От границы страны Уруатри до Кудмухи в отпавшей стране... я пролил жизнь их (т. е. кутиев) обширного войска, как воду... Полон его (т. е. войска), скот его и богатство его я доставил в мой город Ашшур».

⁵⁷ JCS VII, 4, № 21.

⁵⁸ См. I. Gelb, Two Assyrian King Lists, JNES, XIII, 1954, 4, стр. 214.

⁵⁹ KAJ, 128 : 19, 111 : 17; 168 : 19.

⁶⁰ Ср. S a r o g e t t i, ук. соч., стр. 509: ^m*Ur-sa*. Более правильным нам кажется чтение ^m*Ur-sà*=урап. ^m*Ru-sa-a*, с которым связано имя муцадирского царя при Сарго-не II — ^m*Ur-z/ša-na* (АВИИУ I, 49).

⁶¹ JCS VII, 4, № 39.

⁶² Форрер, ук. соч., стр. 51.

⁶³ № 13; 23, 47, 85.

⁶⁴ О военных функциях *rab ālāni* в новоассирийский период см. CAD A, I, стр. 389 сл.

šur-MU-SUN-NA 11 GAL URU.DIL.DIL⁶⁵: «[Воин]ов ..... послал 86 округ Экаллате, 13 (город) Шибаниба, 28 (город) SU.I, 15 (город) Наба', 26 (город) Pi-mātate, 10 (город) Адиу, 13 (город) HU, итого 193 [x] воинов⁶⁶, которые под ответственностью Ашшуршумиддины, rab ālāni».

Уступал rab ālāni по рангу hazannu (градоначальник, староста поселения)⁶⁷. Титул hazannu (haziānu в среднеассирийских и амарнских текстах) зафиксирован с III династии Ура почти для всех периодов и районов древней Передней Азии⁶⁸.

В эпоху Хаммурапи (XVIII в. до н. э.) должностное лицо с функциями, аналогичными функциям hazannu, носило титул rabianum. В частности, вместе с общиной он был ответствен за поимку грабителей на территории общины⁶⁹. Титул hazannu получил широкое распространение в касситское время, а позднее он полностью вытеснил титул rabianum⁷⁰. В функции hazannu по документам из Нузы входило обеспечивать спокойствие даже на территории, отдаленной от города, во главе которого он был поставлен⁷¹. Форрер считает, что haziānu в новоассирийский период стоял не только во главе города, но и был начальником более мелкой по сравнению с областью единицей — района⁷². Более того, как отмечает И. М. Дьяконов для этого же периода, иногда даже мелкое поселение и даже усадьба имели своего старосту — haziānu⁷³.

К сожалению, тексты архива НинуртатукульАшшура не дают ничего для уточнения функций haziānu. В нескольких документах (№ 47, 64, 92) упоминается Икишани, haziānu Ниневии. Так как nāmurātu преподносят, как правило, высокопоставленные лица, можно предположить, что Ниневия и тогда была в полном смысле слова городом, и к тому же важным культовым центром, на что есть и более ранние указания. Два остальных haziānu — АрадКубе и ШарАдад (№ 33, 97; 47, 55) — упоминаются без указания городов, во главе которых они стояли.

Таким образом, административный чиновничий аппарат, представленный в документах хозяйственного архива НинуртатукульАшшура, включает три категории должностных лиц — bel pāhēte, rab ālāni и haziānu. Последнего, по-видимому, нужно рассматривать как связующее звено между царской администрацией и общинным самоуправлением. Связь этих должностных лиц с дворцом осуществлялась не только через присылку собранной дани и налогов, через мобилизацию рекрутов, но также путем преподнесения царю подарков — nāmurātu (см. об этом ниже) и, по-видимому, путем отчетных сообщений. Прямых свидетельств о существовании последних не имеется, но о них можно заключать на основе аналогий из новоассирийских документов.

Термин nāmurtu ранние исследователи — Джонс, Клаубер, Форрер, Уотерман — читали ошибочно как nahartu. Джонс переводит его как «подарок сверх того, что причитается дворцу»⁷⁴. Клаубер не определяет

⁶⁵ Вряд ли все населенные пункты, названные в этом документе и снабженные детерминативом URU, представляли собой город в полном смысле этого слова. О локализации некоторых из них см. JNES, VII, 4, стр. 119.

⁶⁶ ERIN. MES не только «воины», но и люди (несущие какую-то повинность или входящие в какой-либо отряд).

⁶⁷ ADD 59, 14 слл.

⁶⁸ CAD H, стр. 163 сл.

⁶⁹ I. M. Diakonoff. The Rise of the Despotie State in Ancient Mesopotamia, Moscow, 1969, стр. 200.

⁷⁰ RLA I, стр. 451.

⁷¹ CAD H, стр. 164, 165.

⁷² Форрер, ук. соч., стр. 52.

⁷³ И. М. Дьяконов, Развитие земельных отношений в Ассирии, Л., 1949 (далее — РЗОА), стр. 119.

⁷⁴ См. Клаубер, ук. соч., стр. 50.

точного значения этого термина, но противопоставляет его термину *mandattu*, считая, что *mandattu* в исторических надписях обозначает дань, которой облагались покоренные народы, в то время как в *nāmurtu* следует видеть доходы, поступающие из собственной страны⁷⁵. Э. Форрер, рассматривая *mandattu* как ежегодную дань, считает, что в эпоху ТукультиНинурты II (890—884 гг. до н. э.) в таком смысле выступает *nāmurtu*⁷⁶. Л. Уотерман весьма непоследователен как в транслитерации этого термина (то как *naḫartu*, то как *nāmurtu*), так и в его переводе (*income* — «доход», *treasure* — «сокровище», *gift* — «дар», *splendour* — «роскошь», *receipts* — «приход»)⁷⁷. Большинство же исследователей переводит *nāmurtu* как особый почтительный подарок или дар, подношение. Так, Б. Майснер — «*Extrageschenk*»⁷⁸, Э. Эбелинг — «*Geschenk*»⁷⁹, Э. Вайднер — «*Ehrengabe*»⁸⁰, И. М. Дьяконов — «подношение»⁸¹, В. фон Зоден — «*Ehrengeschenk*»⁸², Дж. Постгейт — *gift*⁸³.

В. фон Зоден отмечает появление термина *nāmurtu* в Ассирии со средне-ассирийского периода. На наш взгляд, появление этого термина именно в среднеассирийский период — отражение политики ассирийского государства: закрепление за Ассирией захватываемых областей путем насаждения там ассирийских должностных лиц. Эта политика наметилась, по-видимому, уже с Салманасара I. Формула «тяжкую подать гор я наложил на них (т. е. на покоренные страны. — Л. Г.) навеки, которая встречается в надписи этого царя⁸⁴, позволяет говорить об этом, но только с большой осторожностью. В надписях ТукультиНинурты I (1244—1208 гг. до н. э.) мы встречаем сообщение уже о «включении» поработченных стран в границы Ассирии («страны... включил в границы страны моей»)⁸⁵, что, естественно, влекло за собой распространение ассирийской административной системы и на эти районы.

Веским подтверждением этого предположения служат документы хозяйственного архива НинуртатукульАшшура, которые показывают, что ассирийские царские чиновники исполняли свою службу в весьма отдаленных от Ассирии областях. И поскольку НинуртатукульАшшур за время своего недолгого правления не предпринял ни единого похода, нужно полагать, что представители ассирийского административного аппарата насаждались в этих районах уже при его предшественниках. Эта практика, по-видимому, имела место и при Тиглатпаласаре I, хотя прямых указаний на это нет в анналах и этого царя. Но и здесь, так же как и в надписях ТукультиНинурты I, мы встречаем сообщения о включении покоренных стран в границы Ассирии, о наложении «ярма владычества» (*nir bēlūti*) на вечные времена. Наряду с этим в анналах Тиглатпаласара I появляется фраза «причислил их (т. е. жителей покоренных стран) к людям моей страны» (a-na UKU.MEŠ KUR-ti-ia am-nu-su-nu-ti)⁸⁶ или «причислил их к подчиненным Ашшура, владыки моего» (*it-ti da-gil pa-an*

⁷⁵ Там же, стр. 49.

⁷⁶ Forrer, ук. соч., стр. 6.

⁷⁷ ABL 86, 152, 198, 466, 568 и др.

⁷⁸ B. Meissner, *Babylonien und Assyrien*, Band I, Heidelberg, стр. 143.

⁷⁹ Ebeling, ук. соч., *passim*.

⁸⁰ Weidner, ук. соч., *passim*.

⁸¹ РЗОА, стр. 131.

⁸² АНУ, s. v. *nāmurtu*.

⁸³ Postgate, ук. соч., стр. 154 сл. Дж. Постгейт, пожалуй, единственный исследователь, который рассматривает *nāmurtu* как экономический институт, остальные ученые ограничились только тем, что раскрывали содержание понятия *nāmurtu*.

⁸⁴ АВИИУ I, 2.

⁸⁵ Там же, 5.

⁸⁶ АКА, 49 III 5 (Tigl. I) и *passim*.

ḌA-šur EN-ia am-nu-šu-nu-ti) ⁸⁷, что, таким образом, указывает на распространение ассирийской власти на жителей завоеванных стран ⁸⁸.

Пожалуй, самой характерной чертой *nāmūrātu* хозяйственного архива НинуртатукульАшшур является то, что все *nāmūrātu* состояли исключительно из скота (овец, баранов, ягнят, реже быков). Тем не менее утверждать, что *nāmurtu* — это подношение только скотом, мы не можем, так как в новоассирийских документах в составе *nāmurtu* помимо овец, баранов, быков отмечается также золото, серебро, одежда, рыба, лошади (ABL, 86, 152, 241, 466, 568), зерно, хлеб, солома, пиво ⁸⁹.

Произошло ли изменение характера *nāmurtu* в новоассирийский период или уже и в среднеассирийский период оно имело такое более широкое содержание — об этом можно делать пока лишь предположения. То, что *nāmūrātu* изучаемого архива состояли только из скота, возможно, было обусловлено тем, что обнаруженный архив НинуртатукульАшшур был, как полагает Э. Вайднер, «архивом скота» (Tier-Archiv), в то время как существовали, наверное, и другие хозяйственные архивы, которые до нас не дошли ⁹⁰. Несомненно, уточнить, что же из себя представляло *nāmurtu* в среднеассирийский период, и пролить свет на многие другие вопросы помогли бы 65 документов архива Тиглатпаласара I, которые, как мы упомянули выше, остаются нам неизвестными.

Ашшурский архив НинуртатукульАшшур — это годовая запись почти ежедневных поступлений *nāmūrātu*, т. е. мы можем говорить о постоянном потоке подносимых даров, а именно в том смысле, что двор царя был всегда обеспечен нужным количеством скота, поступавшего в качестве *nāmurtu*. Но с другой стороны, регулярность приношения даров была весьма относительной. В отличие от настоящих налогов *nāmūrātu*, очевидно, не имели для плательщика установленных размеров и сроков подношения. Исходя из самой сущности такого явления, как преподнесение дара, казалось, можно было бы говорить о добровольном характере *nāmurtu*. Однако добровольность *nāmurtu* явно носила фиктивный характер. И обязательность эта была обусловлена тем, что подношение даров являлось выражением преданности и подчинения царю. Непринесение же дара рассматривалось бы как проявление непочтительности и самостоятельности, не желательных царю. В новоассирийский период *nāmurtu* носит уже явно выраженный принудительный характер ⁹¹. И в этот период *nāmūrātu* наряду с официальными поступлениями — один из источников обеспечения нужд царского двора. Об этом достаточно ярко свидетельствует состав даров: скот, рыба, зерно, хлеб, пиво, одежда и пр.

От чиновников *nāmurtu* могло поступать как выражение благодарности за назначение на должность. В документе 19 сообщается о смерти Ададшумирабби, начальника области Арзухины, от которого ранее НинуртатукульАшшур получил *nāmurtu* (№ 35). По прошествии нескольких месяцев НинуртатукульАшшур получает *nāmurtu* от другого начальника области Арзухины — Пушшайу. Но если от Ададшумирабби поступило лишь 6 овец, от его преемника поступает 3 быка и 50 овец. Это значительное подношение, и его, очевидно, нужно рассматривать как выраже-

⁸⁷ АКА, 62 IV 30 (Tigl. I) и passim.

⁸⁸ Прямое указание о закреплении Ассирии в завоеванных странах можно найти в надписях царя новоассирийского периода Ашшурнацирапала II (883 — 859 гг. до н. э.), в которых неоднократно встречаем: «...лошадей, мулов, крупный и мелкий рогатый скот, вино, бронзовые сосуды — эту дань их я принял, назначил над ними взимающих повинности» или «...окружных начальников назначил им, поставил над ними моего собственного наместника», АВИИУ I, 23, 24, 25, 26.

⁸⁹ Postgate, ук. соч., стр. 153, 1.24.

⁹⁰ Weidner, ук. соч., стр. 24.

⁹¹ Postgate, ук. соч., стр. 154.

ние Пушшайей благодарности за назначение на должность начальника области.

Несколько иначе рассматривает причину подношения *nāmurtu* Постгейт. Также признавая принудительный характер *nāmurtu* уже для среднеассирийского периода, Постгейт считает необходимым модифицировать это утверждение, и его модификация заключается в том, что *nāmurtu* он рассматривает как *audience-fee* («плата за прием») — платеж, делавшийся царскими подчиненными всякий раз, когда они обращались к царю за защитой или помощью⁹². Не исключено, конечно, что подношение даров вызывалось и этими причинами. Так могло быть, например, в случаях подношения подарков от иноземцев, да и от ассирийцев тоже. Но поскольку в большинстве случаев *nāmurātu* подносятся лицами, которые, судя по размерам даров и титулам, принадлежали к числу или богатых ассирийцев, или высокопоставленных должностных лиц, можно усомниться в модификации, предложенной Дж. Постгейтом. Против нее свидетельствует и *nāmurtu* от *mār šarri*, который, по-видимому, имел довольно свободный доступ к царю. Подтверждение своего предположения Дж. Постгейт видит и в семантике слова *nāmurtu*, которое он также рассматривает как основу N от *amāgu* — «видеть», и, таким образом, предлагает дословный перевод этого термина: *to be seen (by the king)* — «быть увиденным (царем)». Нужно заметить, что это возможное объяснение семантики термина *nāmurtu* несколько не исключает нашей версии о причинах подношения даров. Постгейт не подчеркивает, что надо подразумевать под «увиденным» — дар или самого дарителя. На наш взгляд, речь может идти только о самом *nāmurtu*, поскольку часто *nāmurātu* преподносятся не самими дарителями, а их представителями, каковыми являются, например, *abarakku*.

Еще одно подтверждение предположения, что *nāmurtu* — выражение преданности или подчинения, дают документы новоассирийского периода, в которых отмечается присылка *nāmurtu* вместе с *mandattu*⁹³. Нужды царского двора обеспечивались не только при помощи *nāmurātu*, но и другими поступлениями. Один из самых важных и интересных документов архива — документ № 95 — является отчетом о поступлениях на царский двор от месяца *tanmartu* (май-июнь; соответствует вавилонскому *simānum*) до месяца *ša kenāte* (ноябрь-декабрь; соответствует вавилонскому *kislimum*)⁹⁴: 400 UDU.MEŠ *ša* KUR I-sa-(na) 2 100 *ša* URU Ku-li-hi-na-aš 3 300 *ša* mTa-ḫi-li 4 ŠU.NIGIN 800 UDU.MEŠ *ša* pa-ḫa-te 5 914 UDU. MEŠ *na-mu-ra-a-tu* 6 *ša* m dMAS.TUKUL-Aš-šur 7 ŠU.NIGIN-ma 17 [14 UDU.MEŠ] 8 *ša* is-tu ITID tan-mar-te (UD x.KAM) 9 li-me m dSin-še-ja DUMU IR-A[N.MEŠ] 10 a-di ITID *ša* ke-na-a-te UD 22 (KAM) 11 li-me KIMIN-ma «400 овец из (страны) Исаны, 100 — из (города) Кулихинаша, 300 от Тахулу, итого 800 овец *ša pāḫāte*, 914 овец — дары Нинуртатукуль Ашшуру, итого 17 [14 овец] от месяца *tanmartu* (такого-то дня) эпонимата Синшей, сына Арадилани, до месяца *ša kenāte* 22-го дня того же эпонимата».

Э. Вайднер выражение 800 UDU.MEŠ *ša pāḫāte* рассматривает как «800 овец из административных областей»⁹⁵. В. фон Зоден переводит его как «800 овец обязанностей»⁹⁶, т. е. поступивших в порядке обязательного налога. В таком случае здесь мы встречаем употребление слова *pāḫētu* в его первоначальном смысле — «обязанность, должность», и «800 овец

⁹² Там же, стр. 159.

⁹³ Там же, *nāmurtu* 1.6, 1.24; ABL 568.

⁹⁴ О соответствии ассирийского (канишского) и вавилонского календаря см. Н. Б. Янковская, Клинописные тексты из Кюль-Тепе, М., 1963, стр. 79.

⁹⁵ Weidner, ук. соч., стр. 9.

⁹⁶ ANW, s. v. *pāḫātu*.

должностей» нужно интерпретировать как 800 овец обязательных поступлений через должностных лиц. Э. Вайднер хотя и переводит *ša pāhāte* как «из областей», тем не менее также считает этих овец официальным поступлением с должности, так что переводы обоих ученых не противоречат друг другу. К сожалению, документ 95 не только не помогает в уяснении проблемы налогового обложения, которая для рассматриваемого периода чрезвычайно неясна, но, наоборот, выдвигает новые вопросы:

1. Почему велся учет добровольных подношений (*nāmurātu*) и почему отсутствовал особый учет официальных поступлений? Ведь в документе 95 мы встречаем единственное во всем архиве упоминание об официальных поступлениях. Предположение, что существовал особый архив для их учета, было бы возможно, если бы в документе рядом с итоговой цифрой *nāmurātu* за семь месяцев не стояла отчетная цифра официальных поступлений за тот же промежуток времени. Но не исключено, что этот документ мог быть дублирован для обоих архивов.

2. Идет ли речь об официальных поступлениях, собранных на территории собственно Ассирии? Утверждать это нет достаточных оснований, поскольку только половина из указанных 800 овец поступила из области, расположенной на территории собственно Ассирии, — Исаны. Местоположение города Кулихинаша (или, по-видимому, области с тем же названием) неизвестно, однако ясно, что он лежал в хурритском ареале⁹⁷.

3. Почему дарственные приношения численно превосходят официальные — 914 : 800? Случайно ли это или же документ 95 — своеобразный экономический барометр, отражающий политическую ситуацию, сложившуюся в Ассирии в этот период? Ведь почти 75 лет — со смерти Тукулти-Нинурты I до Нинуртатукуль-Ашшур — Ассирийское государство находилось в политическом упадке и зависимости от Вавилонии⁹⁸. И возможно, с ослаблением царской власти официальные приношения уступили место добровольным (хотя неизвестно, в каком соотношении находились добровольные и официальные приношения при других, более могущественных правителях Ассирии). Это могло быть также результатом того, что областей, находившихся под влиянием Ассирии, было мало и власть над ними была недостаточно прочной. Еще одно подтверждение ослабления царской власти в правление Нинуртатукуль-Ашшур — весьма малочисленные случаи подношений *nāmurātu* от иноземцев, о чем мы скажем ниже.

И наконец, последний вопрос, на котором мы остановимся, — сферы влияния Ассирии в конце XII в. до н. э.

Из областей и городов, расположенных на территории коренной Ассирии, в документах архива встречаются город Ниневия и области Исана и Халахха. Главный город Ассирии — Ашшур ни разу не упоминается в связи с подношением даров⁹⁹, хотя не исключено, что среди *nāmurātu*, подносимых «великими» Ассирии, имелись дары от вельмож, живущих в самом Ашшуре. Область Исана, включенная в состав Ассирий, по-видимому, Ададнерари I (1307—1275 гг. до н. э.) и расположенная к западу от Ниневии, представляла хорошо развитый сельскохозяйственный район¹⁰⁰. Половина обязательных налогов поступает из Исаны (№ 95).

Область Халахха, расположенная к северо-востоку от Ниневии¹⁰¹, упоминается в связи с подношением *nāmurātu* от начальника области и

⁹⁷ На это указывают хурритские форманты этого слова: *-hi*, *-na*, *-aš*. Кулихинаш буквально означает «кулийские».

⁹⁸ «Всемирная история», М., 1955, т. I, стр. 324.

⁹⁹ Об Ашшуре по текстам архива см. Weidner, ук. соч., стр. 22 сл.

¹⁰⁰ J. A. Zabolocka, Stosunki agrarne w państwie Sargonidów, Poznań, 1971, стр. 10, 11.

¹⁰¹ Fogger, ук. соч., стр. 112.

двух *rab ālāni*. Среди этих *nāmūrātu*, как правило, упоминаются хабхийские овцы (*UDU.MEŠ ḥabḥājau*), которых, по-видимому, нужно рассматривать как особую породу овец, поступающих из страны Хабхи. О том, что это особая порода овец, свидетельствует среднеассирийский документ из Телль-Биллы (№ 36), представляющий инвентарную запись овец, где среди различных пород овец (*UDU gurātu aššurātu*, *UDU zibūtu*, *UDU parrātu*, *UDU ḥurapu*) упоминаются и хабхийские овцы (*UDU ḥabḥātu*). Маловероятно, что эта горная порода овец могла разводиться, скажем, на равнинах Месопотамии или даже в низовьях Большого и Малого Заба — в собственно Ассирии. Речь, пожалуй, идет о самой стране Хабхи. Впервые Хабхи как политическая единица упоминается в анналах Тиглатпаласара I, когда ассирийцы выступили против хабхийской страны Суги (^{KUR}*Sugi ša* ^{KUR}*Ḥabḥi*) и нанесли ей поражение. В дальнейшем (вплоть до Саргона II) эта страна постоянно упоминается в надписях ассирийских царей, хотя после опустошительных кампаний Ашшурнацирапала II (883—859 гг. до н. э.) она теряет политическую инициативу¹⁰².

Нужно заметить, что хотя с Тиглатпаласара I название Хабхи и выступает с детерминативом страны, однако ^{KUR}*Ḥabḥi* обозначает скорее название племен (ср. ^{KUR}*Uruaṭri* и пр.), и поэтому не удивительно, что под Хабхи понимается географическое понятие не только в экономических текстах Ашшурского архива¹⁰³, но и в более поздних исторических надписях¹⁰⁴.

Г. А. Меликишвили¹⁰⁵ и И. М. Дьяконов¹⁰⁶ рассматривают Хабхи ассирийских источников как обозначение обширной территории — горных областей Армянских и Курдистанских гор от истоков Тигра до районов к северу от ассирийских городов. На наш взгляд, предложенная локализация этой области справедлива для более позднего периода¹⁰⁷. В рассматриваемый же нами период под Хабхи понимается, по-видимому, лишь часть поздней Хабхи, а именно область, охватывающая территорию, расположенную к северу и северо-востоку от Ассирии (бассейн Большого Заба и севернее)¹⁰⁸, ограниченную с севера горами Армянского Тавра. Это вытекает из того, что даже могущественные предшественники Нинуртатукуль-Ашшур — Салманасар I, Тукульти-Нинурта I и один из его позднейших преемников, Тиглатпаласар I не закреплялись надолго к северу от хребта¹⁰⁹.

Таким образом, хотя сама Хабхи в текстах архива Нинуртатукуль-Ашшур не упоминается прямо как район, находящийся в сфере влияния Ассирии, но, судя по тому, что из хабхийских овец не только состояли *nāmūrātu* ассирийских чиновников, но и пополнялось поголовье государ-

¹⁰² M. Salvini, *Nairi e Ur(u)ṭri*, Roma, 1967, стр. 94.

¹⁰³ Там же, стр. 93.

¹⁰⁴ Г. А. Меликишвили, *Наири-Урарту*, Тбилиси, 1954, стр. 25.

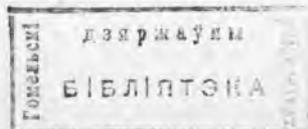
¹⁰⁵ Там же, стр. 22 сл.

¹⁰⁶ И. М. Дьяконов, *Предыстория армянского народа*, Ереван, 1968, стр. 88.

¹⁰⁷ Сальвини (ук. соч., стр. 89) полагает, что в эпоху Ашшурнацирапала II Хабхи обнимала собой обширную территорию от бассейна Большого Заба на востоке и до Евфрата на западе.

¹⁰⁸ См. Salvini, ук. соч., стр. 88.

¹⁰⁹ Каждому из этих царей вновь приходилось подчинять непокорные страны Наири (у Салманасара I — «Уруатри»), расположенные к северу от Армянского Тавра (при Тиглатпаласаре I также в долинах верхнего Тигра и верхнего Евфрата: «Всех Уруатри я склонил к ногам Ашшур, моего владыки, в три дня» (надпись Салманасара I, АВИИУ I, 2); «...43 царя стран Наири дерзко встали строем на битву. Я с ними сразился, нанес им поражение...» (надпись Тукульти-Нинурты I, АВИИУ I, 3); «... всего 23 царя стран Наири поднялись на меня. В ярости моего оружия я двинулся на них, воистину устроил избиение их обширных войск...» (анналы Тиглатпаласара I, АВИИУ I, 10).

ственного скота (документ 36 из Телль-Биллы), можно говорить о самых тесных с ней контактах.

Одна из ассирийских провинций, начальники областей которой поносят НинуртатукульАшшуру *nāmurātu*, — Нарзухина (*Nār-Zuḫīna*). Э. Форрер приводит полную форму этого названия из списка эпонимов — *Aḫi-nārZuḫīna* («берег реки Зухины»), считая, что это, очевидно, литературная форма названия Нарзухины (Арзухины, Урзухины)¹¹⁰. Он предполагает Арзухину на востоке Ассирии, и как мы теперь знаем, ошибочно отождествляет ее с современным Киркуком¹¹¹. Раскопки в этом районе показали, что Киркук — древняя Арраха, находившаяся, по-видимому, севернее или северо-западнее Арзухины.

И. М. Дьяконов также отождествляет Арзухину с Ахизухиной, но локализует ее в низовьях реки Адема, восточнее реки Тигра¹¹².

Из восточных провинций Ассирии в документах архива упоминается и Арраха. Отсюда поступает 8 овец от Ададбелгаббе, *ša muḫḫi* ^{KUR}*Raphāje* («который над страной аррахитов») (№ 19).

Мы уже отмечали как отголоски связей Ассирии с более отдаленными областями верхнего Тигра упоминание в текстах этнического имени Пушшайу. Несомненным свидетельством того, что военные кампании могущественных предшественников НинуртатукульАшшура в западные районы Армянского нагорья не прошли бесследно, свидетельствуют и поступления *nāmurātu* из городов Таиди и Амасаки. Эти митаннийские города были впервые захвачены Ададнерари I.

Ассирия удерживает здесь свои позиции и в правление НинуртатукульАшшура. Над областью Таиди поставлен ассирийский чиновник — *bēl pāhēte*. Так как Таиди локализуется в районе верхнего Тигра¹¹³, где локализуется и Бит-Замани новоассирийских источников, пожалуй, не стоит сомневаться в отождествлении *ḫaššu* ^{URU}*Bit-Zamāni* среднеассирийских текстов Телль-Биллы с областью *Bit-Zamāni* поздних источников.

Город Амасаки (и, по-видимому, область) Вайднер и Дьяконов располагают в районе современного Несбина (верховья Хабура)¹¹⁴. *Bēl pāhēte* и *abarakku* этих отдаленных от Ассирии областей поносят царю значительные *nāmurātu*: *bēl pāhēte* Таиди — 11 быков и 20 овец (№ 187), *abarakku* Амасаки — 1 быка, 15 овец (№ 26), два раза по 20 овец (№ 40, 44) и 10 овец (№ 84). Хотя, как отметила Н. Б. Янковская, скотоводство было одной из важнейших отраслей производства во всех районах, из которых Ассирия получала дань¹¹⁵, тем не менее поступление значительных *nāmurātu* из горных областей верховьев Тигра и Хабура может служить признаком особого развития скотоводства в этих районах. Действительно, в предложенной Янковской «экономической схеме» Таиди включено в специально скотоводческий район¹¹⁶.

Выше мы подчеркнули малочисленность сообщений о подношении *nāmurātu* от иноземцев. Некий безымянный житель области Сути (*DUMU nagī Sutie*), расположенной к западу от Ассирии, в Сирийской степи, два раза подносит дары: 2 ягнят (№ 24) и 6 откормленных овец (№ 105).

¹¹⁰ Фоггер, ук. соч., стр. 41.

¹¹¹ Там же.

¹¹² И. М. Дьяконов, Рабовладельческие имения персидских вельмож, ВДИ, 1959, № 4, стр. 74.

¹¹³ Фоггер, ук. соч., стр. 28; АВИИУ I, стр. 266, прим. 9.

¹¹⁴ Weidner, ук. соч., стр. 21; АВИИУ I, стр. 266, прим. 9.

¹¹⁵ Н. Б. Янковская, Некоторые вопросы экономики Ассирийской державы, ВДИ, 1956, № 1, стр. 29.

¹¹⁶ Там же, стр. 41.

В тексте 78 отмечается поступление 10 откормленных овец от сутиев. Уже отец Ададнерари I Арикденили (1319 — 1308 гг. до н. э.) покоряет «полчища сутиев»¹¹⁷, и подношение даров от свободолюбивых кочевников столь слабому правителю, каким был НинуртатукульАшшур, можно рассматривать как жест миролюбия полукочевых жителей богатого скотоводческого района. Подношений от жителей других соседних с Ассирией западных областей не отмечено. Это может служить показателем того, что интересы Ассирии пока что не были направлены сюда, в Сирийскую степь.

Влияние Ассирии в правление НинуртатукульАшшура прослеживается и по среднему течению Евфрата, ниже области сутиев. Мы имеем в виду область Сухи, расположенную на границе с Вавилонией. Отсюда поступает *nāmurtu* от Ададшумиддины, *sūhāju* (№ 28). Вряд ли он был сухийцем, поскольку носит аккадское имя. Можно было бы предположить, что это был ассирийский чиновник, но вряд ли при этом он был бы назван *sūhāju*. Скорее он был вавилонским или ассирийским династом в этой неаккадской к этому времени области. Царь страны *Ṭabtāja*, местоположение которой неизвестно, два раза подносит НинуртатукульАшшуру *nāmurātu* — оба раза по 10 овец и 1 ягненку (№ 27, 97).

Таким образом, политическое ослабление Ассирии, наметившееся после ТукультиНинурты I, сократило не только поступление обязательных налогов; уменьшилось также число областей, царьки или правители которых обращались к ассирийскому царю за помощью или выражали ему свою преданность или дружеское расположение путем подношения даров.

Подводя итог приведенному географическому обзору, нужно сказать, что преемники могущественных ассирийских царей Ададнерари I, Салманасара I и ТукультиНинурты I, в том числе и НинуртатукульАшшур, если и не расширили территорию Ассирии, то во всяком случае удерживали позиции Ассирийского государства даже в сравнительно отдаленных от нее районах. Однако эти позиции удерживались не благодаря продолжающимся завоевательным походам в эти районы, а благодаря административной системе управления, носившей пока примитивный характер. Среднеассирийские экономические тексты позволяют говорить об огромном значении неофициального выражения преданности ассирийскому царю путем присылки даров — *nāmurātu* наряду с регулярным налогообложением. Это бросает хотя и косвенный, но достаточно яркий свет на характер государственных взаимоотношений между Ассирией, с одной стороны, и соседними племенами в частности, и племенами и предгосударствами Армянского нагорья — с другой: помимо прямого военного грабежа и единовременных даней они прикреплялись к Ассирии не столько общегосударственной налоговой системой, сколько системой даров.

«VOLUNTARY» TRIBUTARIES OF ASSYRIA AT THE END OF THE TWELFTH CENTURY B. C.

L. M. Golobleva

Middle Assyrian economic documents show that gift-giving as a special sort of tribute was prevalent in Assyria. The gifts, or tribute, were designated by the term *nāmurtu* (pl. *nāmurātu*). They were proffered to the king by magnates, palace service personnel (*abarakku*, *rab naqidāte*, among others), by administrative authorities (*bēl pāpēte*, *rab ālāni*, *ḫaziānu*) and by foreigners. The proffering of *nāmurātu* may be seen as an expression of subjugation, loyalty, or gratitude to the Assyrian king by his subjects, or by foreigners who

¹¹⁷ АВИИУ I, 1.

were in one or another degree dependant on Assyria. The origin of the *nāmurtu* institution was connected with the growing power of the Assyrian state and king in the Middle Assyrian period. As Assyria consolidated her power in the conquered regions by installing state officials there, gifts were collected not only from the subdued populations but also from the newly implanted officials. *Nāmurātu* were a source of income for the Assyrian king both in the Middle Assyrian period and later. Whereas in the New Assyrian period the practice was frankly compulsory, in the earlier period the compulsion was still veiled.

Economic texts of the Middle Assyrian period recording receipts of *nāmurātu* from different parts of Assyria proper and from her provinces make it possible to map the spheres of Assyrian influence at the end of the 12th century: this influence extended to some regions lying far beyond the lands bordering on Assyria, including in particular territory along the upper reaches of the Tigris.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЬИ